

Эльчин
Сафарли

ТУТ МОЙ ДОМ

нету иного пути, как через руку твою —
как же иначе найти милую землю мою?

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С21

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Издательство благодарит литературное агентство
«Amarola Book» за содействие в приобретении прав.
<https://amarolabook.com/>

Фото на обложке: *Катя Карпешова*
<https://kkarpeshova.ru/>

Фото автора: *Мария Павловская*
<https://mariapavlovskaya.com/>

Дизайн обложки: *Джамиль Асланов*

Сафарли, Эльчин.

С21 Тут мой дом : [роман] / Эльчин Сафарли. – Моск-
ва : Издательство АСТ, 2023. – 320 с. – (Бестселлеры
Эльчина Сафарли).

ISBN 978-5-17-152572-9

Помнит ли город людей, которые прожили в нём всю
жизнь?

Ежедневно ходили по его улицам, вдыхали его бриз,
пыль и дым, боролись за его мир и целостность, опускали в
его землю любимых людей и встречали объятиями новое
поколение.

Знаю, что всех лиц не запомнить, что люди похожи на
быстрое, бесконечное течение реки. Но верю, что город
помнит тех, кто его любит, кто служит ему делом – они
оставляют тут отпечатки душ.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-152572-9

© Э. Сафарли, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Моему городу

Жизнь для меня не тающая свеча. Это что-то вроде чудесного факела, который попал мне в руки на мгновение, и я хочу заставить его пылать как можно ярче, прежде чем передать грядущим поколениям.

Бернард Шоу

Так было в детстве: закрою глаза, посплю, а когда проснусь – все пройдет, больше не будет болеть, не будет страшно. Чаще всего так и случилось, а если и нет, то страшное забывалось, растворялось в круговороте повседневных впечатлений – по пути на пляж или пока доставали холодный арбуз из дачного колодца.

Сейчас, когда мне уже не девять, а тридцать девять, хочется, как раньше, закрыть глаза, заснуть и, проснувшись, выздороветь. Распахнуть окно и увидеть не шумный город, а дачный сад с расползающимся по горячей земле виноградом

ЭЛЬЧИН САФАРЛИ

(дедушка не подвязывал лозы) и высоким, до неба, инжирным деревом. Но нынче понимаю: исцеление — реже про чудо, чаще про труд, сердечный, ежедневный, порой невыносимый и одновременно возвышающий.

Удивительно, что эти душевные старания я не променял бы ни на какую безболезненную альтернативу. И еще удивительнее, что все чаще, плутая по переулкам зрелости, вдруг выхожу к морю, тому самому, из детства. Там, на берегу, — нарезанный отцом арбуз, молодая мама с короткой стрижкой и наша собака несетя мне навстречу (обниму ее крепко-крепко, и она, поскуливая, будет извиваться в объятиях). Там мои мечты, сбывшиеся и оставшиеся в сердце. Там то, что облегчает боль. Пусть и на время.

1

Я думаю о море

Утром мы с бабушкой поехали навестить тетю Наиду, отвезти ей гранатов из дачного сада. Я гордо нес сумку с алыми плодами, пахнущими морсящим дождем и чем-то вяжуще-сладким; верил, что они спасут тетю от болезни, правда, не знал от какой, — взрослые отмалчивались.

«Тетя Наида их не попробует, ей тяжело дышать. Может, подержит в руках гранаты, вспомнит, как мы в детстве помогали отцу складывать урожай в ящики, и ей полегчает. А знаешь, что твой прадед пел гранатовым деревьям, когда поливал их вечерами?»

ЭЛЬЧИН САФАРЛИ

Тетя Наида с нежностью рассматривала гостинцы, едва заметно улыбаясь. Бабушка сидела рядом и, повязывая голову платком, рассказывала старшей сестре о самом обычном. О том, что гранаты в этом году густо-красного цвета, как рубины, но кислющие – виноваты ранние дожди. «Так что, сестра, есть их не обязательно, только изжогу вызовешь. Зато погляди, какой цвет».

Наида, сжимая слабыми пальцами спелый гранат, задумчиво смотрела в окно. Мне, девяти-летнему мальчишке, хотелось, чтобы мысли ее были не о гранатах (кстати, бабушка соврала – урожай был сладкий-пресладкий), а о море. Когда я болел, думал о море, помогало.

На дачу мы возвращались на пустой дневной электричке. Я прилег на деревянное сиденье, положив голову бабушке на колени. Она смотре-

ла на линию потемневшего по осени апшеронского песка и тихо плакала. Я делал вид, что не замечаю; почувствовал, что так нужно.

Приближаясь к станции, электричка загудела. Я торопливо поцеловал бабушкину руку, как бы говоря: я люблю тебя, бабуля, и не буду смотреть, как ты плачешь, не стесняйся.

От станции «Инжирной» до нашей дачи идти недолго, три квартала. За нами увязался пес Гоша, которого мы подкармливали. «Ах ты, обжора, ведь утром смел миску потрошков! Ладно, не скули, пойдем с нами». По пути бабушка заговорила о дачном дымоходе, который пора почистить; о куриных потрошках, которые надо купить у мясника Сахиба; жаловалась на маму, решившую поступать в автошколу. «Она же такая эмоциональная, витает в облаках, но хочет сесть за руль. Куда смотрит твой отец?»

ЭЛЬЧИН САФАРЛИ

Вдруг бабуля затихла и печально сказала: «До болезни тетя Наида хорошо водила. Твоя мама в нее, такая же смелая». А потом добавила то, что я отчетливо смог вспомнить, только когда вырос (а вырос ли?..)

«Сынок, жизнь будет продолжаться до тех пор, пока люди будут стараться не осуждать друг друга, а понимать. Слышать. Не ищи мира, состоящего целиком из понимания, во всяком случае, не тут. Но в наших силах сделать так, чтобы осуждения стало меньше. Хотя бы на улице, где живем... Гоша! Не путайся под ногами!»

2

*Не позволяй страхам
отнимать у тебя радость*

В нашей с братом дачной комнате были синий шифоньер, две кровати и широкое окно с распашными створками и сеткой от комаров, местами продырявленной ветрами и залатанной дедушкой. На шифоньере, после утренних и вечерних заплывов, отдыхала надувная косатка. Она была волшебной — живой, только не все знали эту тайну.

Спать ложились нехотя, как и все дети летних дач. После монотонных школьных будней нас будоражил ашшеронский простор: заброшенные маяки, изогнутые инжирные деревья, пугливые ужи и, конечно же, море — главный персонаж каникул.

ЭЛЬЧИН САФАРЛИ

Брат, хоть мы и двойняшки, шумнее, шустрее меня, дольше противился кровати, но, когда нас все же укладывали, уже через пару минут сопел (тоже шумно).

В дни северного ветра на чердаке кто-то вздыхал, скрипел и шагал, и мы подолгу не могли уснуть. «Амир, слышишь? Мне страшно, а тебе?» — из-под одеяла выглядывала макушка брата. Я с детства не прятался от страхов, смотрел им в глаза, хотя у самого сердце билось в горле. «Немного. Это ветер, а не Чернушка. Хочешь, ложись со мной». Брат вылезал из кровати, на цыпочках перебежал по ковролину, мы засыпали под одним одеялом.

«Нам страшно, а Косатке нет, гляди, как крепко спит». Косатку не пугали ни ураган, ни Чернушкины вздохи, ни возможное падение со шкафа. Косатку пугала жизнь без моря. Меня это

тоже пугает: в такие мгновения я мысленно или воочию спешу на «наш» берег, где брат с разбегу ныряет в воду (никаких медленных заходов, чтобы тело привыкло к утренней прохладе Каспия), где бабушка ждет нас с хлебной горбушкой, белым сыром и помидором.

Помню, как, приподняв юбку, она стоит у воды. «Ну-ка, быстро на берег, уже губы посинели! Если себя не жалеете, пожалейте хотя бы Косатку, она устала». Мы любили бабушку, старались ее не обижать, но не меньше любили еду из ее рук: откусываешь бутерброд, не успев обсохнуть, с волос стекает соленая вода, пальцы мокрые, горбушка хрустит, помидор мясистый – вкусно!

Косатку с пляжа несла бабушка. Смахивала с нее прилипший песок и, водрузив на голову, шла вдоль дороги. Пробегающая мимо ребятня,